

Пока они болтали, изнутри донеслись взрывы хохота. Ань Чанцин слушал всё это с невозмутимым лицом. А вот Ань Фу не сдержался и громко выкрикнул:

— Дерзкие! Как вы смее судачить о хозяине?!

Служанки, веселившиеся по ту сторону, от неожиданности вздрогнули, тут же умолкли и выстроились в ряд на коленях, испуганно переглядываясь и поглядывая на Ань Чанцина.

Ань Чанцин не спеша подошел ближе, окинул взглядом ряд девушек и тихо произнес:

— Поднимите головы.

Служанки подняли лица. Каждая из них была в самом соку: тонкие станы, миловидные черты, кожа свежая — хоть воду отжимай. Среди них выделялась одна: в приталенной розовой ватной кофте и нежно-зеленой юбке. Она была невероятно хороша собой, а яркие, влажные глаза способны были тронуть любое сердце.

Ань Чанцин слегка улыбнулся, сразу поняв, что зачинщицей была именно эта девица. Прошло слишком много времени, и о многих мелочах из прошлой жизни он уже забыл. Но услышав у двери этот звонкий, словно у иволги, голосок, он вспомнил конкретного человека.

Первую служанку Сяо Чжигэ — Яньхун.

В прошлой жизни сплетни о его разладе с Сяо Чжигэ пустила именно она. Видя, что он не пользуется благоволением князя, девица не упускала случая важничать перед ним и строить козьи морды. В те времена они с Сяо Чжигэ были в ссоре, так что, терпя обиды в поместье князя, Ань Чанцин мог лишь проглатывать слезы. Сама же эта служанка, хоть и не пробралась в постель Сяо Чжигэ, выскочила замуж за названного сына дворецкого Ван Фугуя и жила в поместье как рыба в воде. Позже, когда Сяо Чжигэ боролся с наследным принцем за престол, она и вовсе брала деньги у семьи Ань, тайком сливая из поместья множество сведений.

Ань Чанцин пристально разглядывал её, на время умолкнув.

Под его взглядом Яньхун сначала струсилa, но тут же вспомнила, что ванфэй не капризничает и не пользуется любовью князя. А сама она — человек князя, так что казнить или миловать её может только сам князь. Смелость вернулась к ней, и она, понизив голос, притворилась обиженной:

— Слуга не знает, чем провинилась перед вами?

Ань Чанцин смотрел, как у неё слезы потекли ещё до того, как она заговорила. Повадки не простой служанки, а скорее какой-то наложницы, плетущей интриги ради внимания. Очевидно, рассчитывала на статус служанки Сяо Чжигэ и была уверена, что он не осмелится её наказавть.

Слегка изогнув губы в ухмылке, Ань Чанцин проигнорировал её и обратился к Ань Фу:

— Сходи за дворецким Ваном.

Хотя Ань Фу ничего не понял, пошел быстро и уже через пару мгновений привел дворецкого.

Дворецкого звали Ван Фугуй. Ему было около пятидесяти лет: продолговатое сухое лицо, поджарая фигура. Походка его была неторопливой, а руки скрывались в рукавах — точь-в-точь

таким Ань Чанцин помнил его по прошлой жизни. Он был старым слугой Сяо Чжигэ; когда князь покинул дворец и создал собственное поместье, Ван Фугуй взял на себя управление всеми внутренними делами. Сяо Чжигэ он был предан беззаветно. Однако у каждого человека есть свои мелкие расчеты: думая, что Сяо Чжигэ не ценит своего ванфэй, он и сам стал пренебрежительно относиться к Ань Чанцину.

И если служанки вроде Яньхун садились ванфэй на шею, он, пока дело не доходило до открытого скандала, просто закрывал на всё глаза и делал вид, будто ничего не замечает.

Но времена изменились. Теперь, когда Ань Чанцин узнал об истинных чувствах Сяо Чжигэ и вознамерился жить с ним долго и счастливо, ему следовало поставить себя как Бэйчжань-ванфэй и навести порядок. Иначе он не только опозорился бы сам, но и бросил бы тень на Сяо Чжигэ, вынесись эти слухи наружу.

— Зачем ванфэй призвал старого слугу? Есть ли приказания? — Ван Фугуй поклонился. На лице его не было ни единой ошибки, но в каждом движении проскальзывало небрежение.

Ань Чанцин не разозлился. Подхватив полы халата, он сел на стул, принесенный Ань Фу, и спокойно спросил:

— Каков в поместье князя порядок на случай, если слуги смеют судачить о хозяевах?

Ван Фугуй обомлел, перевел взгляд на стоящую на коленях Яньхун и осторожно спросил:

— Ванфэй, вы...

— Если в поместье князя нет на этот счет четких правил, их установлю я, — Ань Чанцин поднял руку, прерывая его, и приподнял уголки миндалевидных глаз, с пронизательностью глядя на дворецкого. — За обсуждение хозяев следует наказать тридцатью ударами по щекам, а затем продать. Прочих сообщниц я сильно преследовать не стану — достаточно сослать их во внешний двор на черную работу. Что же до зачинщицы, дворецкий Ван, выпори её и сразу продай.

Лицо Ван Фугуя застыло. Он помялся и произнес:

— Это... Быть может, стоит дождаться возвращения князя и тогда решить...

— Дворецкий Ван считает, что в отсутствие князя у меня нет права распорядиться даже судьбой служанки? — голос Ань Чанцина резко остыл, а взгляд тяжело опустился на старика.

— Старый слуга не смеет! — Ван Фугуй поспешно пал ниц и, прижавшись лбом к полу, начал объяснять: — Просто эти девушки давно привыкли прислуживать князю. Если их заменить, князю может быть неудобно...

— Ты просто исполни приказ. А князю я всё объясню сам, — договорив, Ань Чанцин не дал ему возможности возразить, позвал Ань Фу и поднялся, чтобы вернуться в главный двор.

Ван Фугуй посмотрел ему вслед и мог лишь с неохотой подчиниться:

— Слушаюсь.

Стоило Ань Чанцину уйти, как Яньхун бросилась к дворецкому и запричитала, заливаясь слезами:

— Крёстный, я не хочу, чтобы меня продали...

Ван Фугуй, спрятав руки в рукава, смерил её холодным взглядом и лишь спустя долгое время произнес:

— Веди себя тихо. Вот вернется князь — я всё улажу.

Сяо Чжигэ с самого утра уехал в военный лагерь за городом. Прошлой ночью он так и не сомкнул глаз. Ещё до рассвета он оседлал коня и покинул поместье. Вот только сам он находился в лагере, а мысли его витали неизвестно где. Да так, что даже во время тренировки войск он выглядел рассеянным.

Проведя в лагере время до самого вечера, когда час ужина уже миновал, Сяо Чжигэ наконец снял доспехи и собрался в поместье.

Как раз в этот момент в лагерь въехал генерал, помогающий государству, Чжао Юэ. Они столкнулись нос к носу, и Чжао Юэ с фальшивой ухмылкой поприветствовал его:

— Надо же, князь так усерден даже на второй день после свадьбы. Неужели не хочется провести побольше времени с ванфэй?

Сяо Чжигэ нахмурился, бросил на него короткий взгляд и, проигнорировав выпад, слегка сжал бока коня, намереваясь проехать мимо.

Однако Чжао Юэ и не думал отступать, явно пытаясь выставить его на смех:

— Или ванфэй не смог ублажить князя? Как раз недавно я разжился несколькими красавицами, не отправить ли их завтра в твоё поместье?

Будучи одними из двенадцати генералов, Чжао Юэ и Сяо Чжигэ всегда находились в натянутых отношениях.

Со дня основания Да Е империя делилась на одну столицу, двенадцать штатов и шестьдесят четыре округа. Были учреждены должности шести великих генералов чжугу: Чжао, Чу, Сюэ, Ши, Сяхоу и Шэньту. Каждый из них надзирал за двумя штатами. В каждом штате также назначался один генерал — всего двенадцать человек.

Дед Чжао Юэ, Чжао Синьчун, как раз и был одним из шести великих генералов чжугу.

Семья Чжао принадлежала к роду нынешней вдовствующей императрицы, а императрица приходилась вдовствующей императрице Чжао племянницей. Поэтому семья Чжао издавна принадлежала к фракции наследного принца Сяо Цианя. Наследный принц был на ножах с Сяо Чжигэ, а тот к тому же обладал выдающимися боевыми заслугами и возглавлял список двенадцати генералов. Потому близкий к наследнику Чжао Юэ давно затаил на него зуб и при удобном случае старался язвить и цепляться.

В обычный день Сяо Чжигэ, возможно, не стал бы связываться с ним, но сегодня его настроение было отвратительным. Его густые брови недовольно сдвинулись, и он холодно взглянул на Чжао Юэ.

Тот расхохотался ещё развязнее:

— Что такое? Или князю не по душе красавицы? Предпочитаешь мужчин постатнее? Я слышал, ванфэй — невероятная кра...

Не успел он договорить, как прямо перед ним в землю со свистом вонзилось двуглавое копьё из черного железа с пятью драконами. Вал копья гудел и непрерывавая вибрировал.

Сяо Чжигэ подогнал коня, выдернул копьё, ушедшее в землю на три дюйма, и хмуро предостерег:

— Копьё слепо, генерал Чжао. Выбирай выражения.

С этими словами он пустил коня вскачь, а копыта выбили целое облако пыли, обдавшее Чжао Юэ с головы до ног.

Покинув лагерь, он пустил коня по широкому тракту прямо в Ецзин. Главные ворота Дунчжимень переходили в улицу Чанлэ, по обе стороны которой расположились Восточный и Западный рынки. На Восточном торговали всем необходимым для жизни, а на Западном ютились публичные дома, чайные и питейные заведения.

В Ецзине не было комендантского часа. Солнце ещё не зашло, а Западный рынок уже заиграл огнями фонарей — веселье кипело вовсю.

Стоило Сяо Чжигэ проехать по улице, как толпа вокруг ненадолго притихла, и лишь когда он удалился, шум возобновился. Для него это было привычным делом. Но проезжая мимо одной из кондитерских лавок, он замешкался и остановил коня. Лавка называлась «Саньвэйчжай», а её сладости считались лучшими в Ецзине. Каждый день знатные особы посылали сюда слуг за покупками.

Немного подумав, Сяо Чжигэ направил коня к лавке. Люди в очереди при виде него тут же расступились, освобождая путь. Сяо Чжигэ не обратил на это внимания и сказал лавочнику:

— Одну коробку сливового печенья.

Он смутно помнил, как его зам говорил, что сливовое печенье из «Саньвэйчжай» — самое вкусное и его жена без ума от него. Стоило рассердить супругу — и коробка сливового печенья гарантированно возвращала её расположение.

Лавочник упаковал сливовое печенье в коробку и, дрожа от страха, протянул её князю. Он не смел просить денег и лишь заискивающе улыбался:

— Желает ли князь заказать что-то ещё?

Сяо Чжигэ вытащил слиток серебра, бросил ему, ничего не ответил и поехал дальше.

Когда он вернулся в поместье, дворецкий Ван Фугуй поспешил ему навстречу. Сяо Чжигэ мимоходом протянул ему коробку со сливовым печеньем:

— Отнеси ванфэй.